

Митрополит Сурожский Антоний
О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ, ЕЕ КАНОНИЗАЦИИ;
О МОНАРХИИ ВООБЩЕ

Московская Духовная Академия, февраль 1982 г.

Что вы думаете о канонизации мучеников Русской Церкви, которая была совершена Карловацким собором в Нью-Йорке?

Я думаю, во-первых, что канонизация святых – дело всей Церкви, а не какой-то одной группы, находящейся за границей. Второе: я думаю, что канонизация происходила преждевременно, т.е. что не дали достаточно времени политическим страстям улечься, чтобы решение было принято не на основании каких-то политических переживаний, а на основании вдумчивого отношения к каждой личности, о которой шла речь. Есть, однако, одно заявление, которое мне кажется интересным, епископа Антония Женевского, который написал послание своей пастве в Западной Европе, где он говорит, что считает, что канонизация должна быть делом всей Русской Церкви, и что поэтому совершенную в Нью-Йорке канонизацию надо рассматривать как благословение на местное почитание, какое бывало в течение всех веков, тех или других лиц; и что когда пройдет время и вся русская православная действительность сможет произнести свой суд и свое решение – только тогда можно будет говорить о канонизации, которая имела бы полное значение для всей русской православной действительности.

* * *

Би-би-си, 16 мая 1990

(Дикторский текст) Сегодняшний день особенно для нас знаменателен ввиду того, что впервые в пределах Русской Патриаршей Православной Церкви воздвигнут храм не только в честь святителя Николая, но и в память государя императора Николая Александровича, государыни императрицы Александры Федоровны, цесаревича великого князя Алексея Николаевича, великих княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и с ними всех мучеников и мучениц рода царского. Тысячи людей в России, слушая нашу сегодняшнюю службу, возрадуются о том, что в свободном мире могут дети Русской Церкви молиться тем, кого миллионы людей поминают как мучеников, к заступничеству которых они обращаются и прославления которых они ждут.

Не является ли эта служба своеобразной канонизацией замученной царской семьи? Или местным их прославлением?

В Православной Церкви издревле признавалось местное почитание святых. В каждой стране есть святые, которые неизвестны в других странах; каждая страна или область, где верующие признают святость тех или других подвижников, особенно мучеников, имела право их почитать как святых. Зарубежная Церковь, вместе с целым сонмом мучеников российских и таких подвижников веры как патриарх Тихон, святитель Феофан Затворник, святитель Игнатий Брянчанинов и другие, формально канонизовала царскую семью. И мы, находясь на Западе, эту канонизацию признали как осмысленную, законную (но не обязательную для каждого верующего). Она должна быть провозглашена в свое время в России. Но для этого нужно, во-первых, чтобы времена переменились. Сейчас еще слишком много незнания о царской семье, слишком много приобретенных навыков мысли и сердца; для многих эта канонизация была бы непонятна, многие просто не знают о царской семье ничего. На Западе собран большой материал о жизни, о личности и о смерти членов царской семьи, который в свое время будет передан в Патриархию, и я уверен, что царская семья будет признана как семья царственных мучеников Российских.

Наши слушатели услышат этот молебен. Не может ли у них возникнуть мысль, что в Англии

была проведена канонизация царственных мучеников?

Я не думаю. Ведь ни в какой момент не был зачитан акт о канонизации, ни в какой момент не было действия, которое усопших, верующих христиан, воздвигло на престол уже святых. Конечно, канонизация – не только административное дело, это не зачитывание какого-то документа, но это действие, которое должно быть совершено. Мы его не совершали, мы считали, что оно совершено, что сознанием церковным у нас на Западе оно принято, и на этом основании мы действовали.

Как Вы думаете, собирается ли Московская Патриархия провести канонизацию царских мучеников? Готовятся ли к этому? Думают ли об этом?

Я думаю, что в России тысячи и тысячи людей этого ждут. Я думаю, что сейчас еще время для этого не пришло. Во-первых, для того чтобы была совершена чья бы то ни было канонизация, требуется собрание всех возможных материалов за и против, взвешивание всех оснований за и против, и решение Церкви. Причем Церкви – не просто Патриарха и Синода. Патриарх и Синод должны рассмотреть это дело и принять какое-то предварительное решение, но решение принимается Поместным собором Русской Церкви, где представлены под председательством Патриарха все епископы, представители духовенства из каждой епархии и представители из мирян. Я думаю, что рано или поздно это случится, но это должно быть совершено только тогда, когда это может быть воспринято как чисто религиозное действие, без всякого оттенка политичности.

* * *

31 июля 1990

О монархии

Монархия несомненно не является единственной формой государственного строя, которая приемлема для христианина или для верующего вообще. В свое время, в древности монархия была силой, объединяющей весь народ вокруг одной личности, стоявшей за одну идею: идею православной Руси, и за единство русского народа, объединенного одной культурой. В этом отношении монархия была знаменем единства. Впоследствии, когда и культура, и Церковь, и государственный строй начали расходиться, когда появились новые и политические и общественные течения, вопрос монархии стал по-иному. Та абсолютная монархия, которая представляла собой единство народа с Церковью, единство русской культуры, единство государства, уже устарела в абсолютном ее смысле; и конечно, поднятый при Александре II вопрос о конституционной монархии был выходом. Этот выход соединил бы, с одной стороны, обновление всего русского общества и всех сословных отношений, и с другой стороны сохранил бы идею единства народа, объединенного именем одного человека, который заботится о своем народе, любит этот народ, который свою жизнь для него готов отдать. Меня очень поразило одно изречение Николая I, которого считают солдафоном и нечутким человеком; он сказал о монархии, что *роль монарха – так устраивать жизнь своего народа, чтобы весь народ был обеспечен, благоустроен и мог заниматься духовной жизнью...* Вот это был бы идеал монархии.

На деле в наше время стали очень многие проблемы, которые такой монархией – абсолютной или даже “слегка” конституционной – не решаются. Вот мое отношение. В глубине души, да, я монархист, в том смысле, что я верю в единство личности, представляющей целый народ, но не властвующей, а отдающей свою жизнь за него. И в этом отношении император Николай II это выполнил. Он был слабый правитель, он сделал много ошибок, многое можно критиковать в его деятельности, но одно можно сказать о нем: он считал себя всецело представителем перед Богом своего народа, и считал, что его роль заключается в том, чтобы этому народу служить. И когда этот народ в лице какой-то небольшой кучки революционеров от него отказался, он счел, что его роль – остаться со своим народом, страдать с ним и умирать за него. Святой Иоанн Златоуст сказал в одном из своих сочинений, что всякий человек может править, управлять, но только царь может

умереть за свой народ. И вот это выполнил Николай II. В этом его величие, которое как бы снимает те недостатки, те слабости, то, в чем его можно упрекать с точки зрения политической или общественной. Он свою душу, т.е. свою жизнь положил за тех людей, которых он считал вверенными ему Богом (неверующий мог бы сказать: *судьбой*).

Его канонизация – дело спорное в том отношении, что в ней, как мне кажется, сыграла роль не только религия, не только видение величия царской семьи перед смертью, но и политический момент. И поэтому его канонизация может восприниматься или не восприниматься до времени, пока не выкристаллизуется до конца его образ, пока не будет продуман, пережит и изучен его образ как человека. Поэтому мне кажется, что мы имеем полное право, с одной стороны, служить по нему панихиды, молиться, чтобы Господь после многострадальной жизни и страшной смерти дал вечный покой, победную радость царской семье. Но когда мы совершаем панихиды, мы молимся не только о них, мы молимся о всех тех, которые за тысячелетие русской истории жизнь свою положили на поле брани, за тех, которые погибли в русской смуте, молимся, согласно распоряжению, а не только желанию патриарха Тихона, не разбираясь, в каком они были лагере, о всех тех, которые погибли в пучине морской, которые умерли от болезней, погибли на горьких работах, обо всех, которых как бы представлял собой русский царь.

Зарубежная церковь канонизовала царскую семью. Я думаю, что всякий человек, который единодушно с ними так переживает судьбу царской семьи, имеет право им молиться. Издревле существовало в Православной церкви местное почитание святых. Подвижники, которые были известны в том или ином краю и не известны на всех просторах русской земли, почитались святыми местно. Так же мы можем относиться к канонизации царской семьи. Одни считают их святыми, совершают им молебны, молятся им. Другие считают их подвижниками, многострадальными, страдальцами за землю русскую, и совершают панихиды. Но в панихиде мы не только молимся о том, чтобы Господь дал вечное упокоение тому или другому лицу, – мы свидетельствуем о том, что этот человек или эта семья не напрасно прожили, что они были светом, что они зажгли в нас любовь и благоговение, что эту любовь, это благоговение мы Богу приносим как их славу вместе с нашей молитвой.

* * *

О причислении царской семьи к лику святых “Русская мысль”, 6 сентября 1991 г.

Перепечатка: “Известия”. 14 августа 2000

Несколько лет тому назад Зарубежная русская православная церковь причислила к лику святых Государя императора Николая Александровича и всю царскую семью. Одновременно были канонизированы российские новомученики и подвижники того времени, в их числе и патриарх Тихон.

Вопрос о причислении царской семьи к лику святых вызвал очень горячие обсуждения. Я нарочно употребляю слово “обсуждения”, а не “споры”, потому что говорили об этом серьезно, вдумчиво, от сердца, не сводя к политической теме. Вероятно, при истоках замысла канонизации были и политические мотивы: люди, которым дорога память о государе, которые верят в монархию, мечтают о восстановлении в России если не старого строя, то все же монархического, переживали это отчасти политически. Но в то же время многие видели в Государе подвижника, так же как в членах его семьи. В нем видели человека, который показал, что он подлинно христианин и верующий.

Мне задавали вопрос: могут ли православные люди, не принадлежащие к Зарубежной церкви, чтить память Государя и царской семьи? И мой ответ был очень определен. Издревле почитание святых начиналось с поместного почитания: люди, которые знали о тех или иных подвижниках, слышали от очевидцев, люди, для которых их святость была очевидна и служила вдохновением, начинали поминать этих подвижников как святых еще до времени их канонизации. Сначала

служили панихиды о них, но в частном порядке люди часто обращались к еще не канонизованным подвижникам с молитвой. Впрочем, с такой же простотой и непосредственностью люди обращаются с молитвой, мольбой к своим покойным родителям: “Мать, ты же любила меня на земле. Взгляни, смотри, как мне тяжело. Помоги!” В этом отношении православная церковь очень широко объясняет свое понимание святости. Всякий человек, который себя до конца посвящает Богу, до конца отдает себя Богу, близок Богу; а любовь не умирает. Ветхий Завет говорит: “Любовь, как смерть, крепка”. А в Новом Завете после Воскресения Христова мы можем сказать, что любовь крепче всякой смерти, смерть побеждена. Нет смерти, которая могла бы разделить навеки человека и Бога или любимого и любящего человека.

Что касается Государя императора и царской семьи, многие за границей почитают их святыми. Те, кто принадлежит к патриаршей церкви или другим церквям, совершают панихиды в память их, а то и молебны. А в частном порядке считают себя свободными им молиться. Это является в глазах многих местным почитанием, к которому мы можем приобщиться, если сами душой соединены с этими подвижниками.

Почему можно считать возможной канонизацию царской семьи? Критиковали Государя как императора, как правителя, но никто никогда худого слова не сумел и не посмел бы сказать о нем как о семьянине, как о человеке. Его кротость, доброта, простота, смирение, супружеская верность, весь его облик – всё это говорило о том, что как частное лицо он истинный христианин. Он оказался на троне в самое трудное, самое сложное и трагическое время русской истории; он не справился с событиями, которые, как гроза, поднимались на горизонте; но какой вывод мы можем из этого сделать? Можно ли быть уверенным, что другой бы справился? Говорит это только о том, что в этот момент Николай II не оказался ни Петром Великим, ни Иоанном Грозным, что он не был одним из тех правителей, которые, как молот, дробили всё вокруг и на время восстанавливали порядок, но так восстановленный порядок вел к новой трагедии.

Это не пустые слова. Я могу привести две цитаты в доказательство этого. Одна взята из письма Государя императора:

“Я имею больше чем предчувствие, полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям и не получу награды здесь, на земле. Быть может, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию. Я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня! Для России, для ее счастья я готов отдать и трон, и жизнь”.

Такие слова можно говорить только из глубины громадной, изумительной любви и к тем, кого Бог поручил твоему водительству, и из глубины совершенной веры в Бога, т.е. полного доверия к Богу и к Его путям. Часто критикуют Государыню. Приведу цитату и из ее письма:

“Вся жизнь борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, все к лучшему. Везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло, а ты принимай без ропота. Он и пошлет ангела-хранителя, утешителя Своего. Никогда мы не одни. Он – вездесущий, всезнающий, сама любовь. Как Ему не верить!”

Это писалось 15 марта 1918 года, когда царская семья была в тисках плена и жизнь висела на волоске. Такие слова можно сказать только из глубокой, спокойной уверенности в Боге и из глубины готовности все отдать для Родины, для своих. А что сказать о царевиче и царевнах? Вот стихотворение, которое было написано Великой княжной Ольгой Николаевной. Оно было написано действительно “у преддверия могилы”, перед самой их смертью:

Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народные гоненья
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать

И крест, тяжелый и кровавый,
С Твоею кротостью встречать.

А в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

А у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Разве здесь не отзвук слов Самого Спасителя, когда Его пригвождали ко кресту и когда Он молился: “Отче, прости им. Они не знают, что творят”? И разве человек, который так соединился с Христом, – я говорю сейчас и о Государе, и о Государыне, и о Цесаревиче, и о Великих княжнах – разве они не составляют одну таинственную частицу, как бы частицу воплощенного распятого Тела Христова – распятого за спасение Родины, людей? Вот почему я думаю, что справедливо их причислить к лику святых и что рано или поздно, когда все политические предрассудки, все страхи пройдут и можно будет посмотреть спокойным, благодатным взором на их мученическую кончину, их причисление к лику святых будет принято всеми. Всеми без исключения. Потому что в них проявилась беспредельная, кроткая, глубокая, жертвенная, крестная любовь Христова.

* * *

Радио “Свобода”, 7 декабря 1991

Прежде всего хочу отметить, что мое отношение к царской семье не связано с моей политической установкой. Я положительно отношусь к монархии как таковой, но конечно, не к той, которая существовала до революции. Монархия в России должна была бы быть совершенно иная – подлинно демократическая и построенная на совершенно новых началах.

Но вопрос о канонизации царской семьи для меня не ставится в порядке политики, но ставится в плане принятия личностей и оценки личностей как самого Государя императора, так и его супруги и царственных детей... Нет жизни, которая сама по себе более драгоценна другой жизни. Всякая жизнь имеет полную цену перед лицом Божиим. Нет человека, которого можно было бы изъять из человечества, без того чтобы самое человечество и Царство Небесное, когда оно придет, не оказалось бы лишенным чего-то абсолютно неповторимого. Но некоторых людей Церковь в течение своей истории выделяла, не потому что они занимали то или иное положение, а потому что они были характерны для той или иной эпохи или для того или иного особенного подвига христианской веры. И в этом отношении, мне кажется, что конечно, когда мы молимся о усопших, всех усопших без остатка, без различия, мы молимся о всех с равным чувством трепета, благоговения.

Но положение Государя императора Николая Александровича тем особенно, что он **выбрал** этот подвиг. Он мог бы уйти. Ему предлагали возможность скрыться, переехать за границу под защиту иностранных и инославных людей, но он решил остаться со своим народом; больше того: мне кажется, что один из его самых великих подвигов в том, что он не только сам остался, но обрек на ту же самую трагическую, мученическую судьбу и свою жену и детей. Жена могла это сделать по своему собственному выбору, но он принес как бы в дар Богу своих детей, которые не могли

принимать никакого решения – не потому что они были малолетние, а потому что были связаны со своими родителями такими связями любви, которые не могли быть расторгнуты.

Очень важно, мне кажется, то, что когда мы говорим о святых, мы всегда думаем, что они были во всем безукоризненны, что ничем никогда ни один из святых не подпал под какую-либо критику. О многих святых мы так мало знаем, что не можем дать такой оценки. Но о некоторых святых мы знаем определенно, что они не во всех отношениях были идеалами христианской жизни, однако в какой-то момент своей жизни они выбрали путь крестный. Святой Серафим Саровский говорил, что большей частью начало жизни спокойное, середина же жизни почти всегда представляет собой бурю, и вопрос в том, как буря уляжется и как кончится жизнь. Да, мы можем сказать, что с точки зрения политической Николай II не был идеальным монархом (хотя и это мы сейчас еще не можем до конца определить); конечно, он делал ошибки. Но вспоминается из истории Русской Церкви профессора Карташева его оценка митрополита Московского Алексия, который принимал участие в политической деятельности московского зарождающегося тогда государства. Карташев, упоминая о некоторых его поступках политического рода, говорит, что мы, однако, не должны этим смущаться: “и на солнце есть пятна”. Да, человек остается человеком до конца, даже в святости своей он остается порой несовершенным. Совершенство его заключается не в том, что он без пятна и порока, – без греха только Христос, а в том, что при всей своей слабости он направляет все свои силы, все свои убеждения на то, чтобы творить добро и исполнять волю Божию. И вот о Государе императоре можно сказать, что он сделал всё, что умел сделать; и он является как бы образом, своего рода “иконой” невинно убиенных, которые имели свои недостатки, но которые несомненно, всеми силами души, всеми силами своей воли и убеждения были устремлены к тому, чтобы через них совершилась воля Божия и чтобы их человеческая деятельность была достойна их положения.

Говорят: как он мог, если считал себя помазанником Божиим, отречься от престола? Тут можно вспомнить сказанное им в свое время кому-то из приближенных, – что кругом него измена, трусость и обман, и рассматривать его отречение в этом контексте.

Великая княгиня Ольга писала из Тобольска одному из приближенных их семьи: Отец просит передать всем, кто ему остался предан, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится; и чтобы они помнили: то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не зло победит зло, а только любовь... Кроме этого, мне пришлось читать в труде, изданном в Америке, цитаты из тех книг, которые царская семья прочитывала во время своего заключения, и те заметки, которые были сделаны на полях этих книг. Это были писания святых отцов Церкви, и все почти они говорили о том, как надо относиться к врагам и как надо готовиться к смерти, как надо свою жизнь отдать до конца без злобы, принести ее как дар родной земле. И вот эти свойства в контексте даже тех критик, которые можно возвести на управление Государя императора, на личность Александры Федоровны и на последующую судьбу России, говорят, что святой Серафим был прав, лишней раз прав: да, середина их жизни была бурей, полной смятения, смущения, ошибок, но когда они стали перед лицом русской трагедии, они не захотели отмежеваться от нее, они вошли в нее полностью, они в единстве во всем народом решили взять и нести этот крест, и свою жизнь положить вместе с народом русским.

Вот почему, молясь о них, мы молимся о всех усопших во время трагедии российской, но царская семья является как бы образом подвига самоотдачи, жертвы вольной волей приносимой. **Мы почитаем и подвиг Государя, но такое почитание не обязательно для всей Церкви, для всех верующих.**

Но если кто-то в России или где бы то ни было станет пользоваться их памятью, станет из монархических соображений (я говорю “монархических” – с точки зрения политической) раздувать этот вопрос, то он поступит вероломно, он поступит **против** самых дорогих желаний царской семьи и всех, кто ее почитает. Царская семья **не может** стать как бы знаменем политической борьбы; они уже в той области, где политика отошла, где остается только молитва, победоносная молитва мучеников за многострадальную землю Российскую.

Отрывок из беседы 23.09.1996

Альфа и Омега. 1997. № 3 (14). С.11.

Я вам дам еще один пример. Есть место в книге Царств, в Ветхом Завете, об учреждении царства среди евреев. Это место всегда приводится как доказательство, что царство – божественное установление, что король или царь является помазанником Божиим. А рассказ говорит вот о чем. Прежде еврейский народ был водим духовными вождями; были патриархи, были пророки, были судьи – это все были люди, которые не занимали как бы официального положения, которых Бог вызвал из толпы, потому что они были Ему открыты до конца, и они были способны провозглашать Его волю и проводить Его волю среди людей. В какой-то момент Израиль посмотрел вокруг себя и увидел, что находится в абсолютно особенном положении: никакой уверенности в завтрашнем дне нет, – у них нет постоянного вождя. “Сейчас у нас есть Самуил; мы ожидали, что его сыновья унаследуют его роль и призвание, а они никуда не годятся; что же – мы пропали? Давай-ка себя спасем, учредив какую-то *уверенность*...”. И они обращаются к Самуилу и говорят: “Мы хотим быть как все народы (то есть *именно тем*, чем они никогда не были; они были народом Божиим, тогда как все народы были *иные*), дай нам царя”. Самуил обращается к Богу и говорит: “Что мне делать? Они меня отвергли!” И Господь отвечает ему: “Не тебя они отвергли, но отвергли **Меня** (1 Цар 8:7). **Дай** им царя, но предупреди их о том, **чем** будет царь в их жизни”. И далее следует отрывок, где говорится, как царь их будет поработать, принуждать, притеснять и т.д. ...

* * *

Проповедь 18 июля 1976 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Из года в год в день праздника св. Сергия Радонежского мы вспоминаем с благоговением и глубокой скорбью убийство царской семьи. В ту ночь, когда все верующие на Руси возносили свои молитвы и полагали свои надежды на заступничество одного из самых великих святых земли Русской, царская семья погибла в застенке. Мы вспоминаем русского царя, его супругу, цесаревича и дочерей не потому что мы избрали тот или иной политический путь, а потому что мы глубоко поражены, что дело их убийства было делом злобы и ненависти, но то, **как** они свою жизнь отдали, было делом веры и любви, и непобедимой надежды. Еще до того, как он был взят в плен, Государь говорил о том, что если это было бы нужно для России, он бы и жизнь свою отдал за нее; когда еще никто не требовал ее от него, когда никто не старался вырвать ее у него, он ее уже принес Богу как дар, и Господь этот дар принял. И перед своей смертью в одном из последних своих писем Государь писал: “Не мстите за меня”. Он отдавал свою жизнь по любви, по любви к своему народу, он отдавал ее с надеждой, что не напрасна будет эта кровавая жертва для России, он верил в будущее ее... Святой Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей говорил о том, что властвовать и править может всякий, отдать же свою жизнь за свой народ может только император, потому что он – не случайно выбранный человек, не плод временного желания людей; он – человек, который на свои плечи взял всю судьбу своей родины и своего народа; и он готов крестом и кровью стоять за них. Мы его вспоминаем, не потому что он был великим правителем, не потому что он был светлым семьянином, а потому что он до крови и до смерти сумел **возлюбить**, и потому что перед смертью ни горечь, ни злоба, ни ненависть, ни страх не сумели его победить... Будем молиться о нем, будем молиться о всех тех, которые, подобно ему, с ним, по его примеру жизнь отдали; но будем молиться за всех тех, которые за смертные, слепящие годы начала нашего столетия погибли в этой смуте, погибли, порой, светло, а порой – помраченным умом, горьким сердцем, с ненавистью и болью, – всех помянем, потому что за всех, для всех, ради всех отдавал свою жизнь русский царь и приносил он в жертву и семью свою. Всех помянем, да будут они помянуты перед Богом молитвами пострадавших, молитвами веровавших и надеющихся и

Проповедь 18 июля 1981 г.

Сейчас мы совершим панихиду о Государе и царской семье, погибших в ночь, когда праздновалось обретение мощей преподобного Сергия Радонежского. Мы молимся о нем не для того, чтобы возвеличить человеческую, земную Русскую державу, которую некоторые из нас вспоминают с болью в сердце и с благоговейной любовью; мы молимся о нем, потому что он тоже со своей семьей вошел в лик страстотерпцев российских – не тех, которые умерли за свою веру, а тех, которые умерли ради долга своего, ради правды евангельской, чтобы не изменить своему земному призванию.

Святой Иоанн Златоустый нам говорит, что *всякий может править, но только царь может умереть за свой народ...* Государь мог спасти себя и свою семью бегством; но он захотел остаться с тем народом, который ему был Богом поручен. И на него легло бремя столетий русской неправды; его сокрушила тяжесть всей несправедливости, всего зла, жестокости, которые накопились в нашей истории столетие за столетием. Он умер, не желая сбросить со своих плеч эту тяжесть, желая разделить со своим народом все последствия трагической, с начала до конца, русской истории.

Вот почему мы благоговейно вспоминаем его и царскую семью. Перед тем как умереть, одна из Великих княжон написала стихотворение, как бы предсмертное завещание, последние строки которого звучат так:

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

И Государь писал перед своей смертью: “Не мстите за меня...” Вот образ, перед которым мы стоим, и вот люди, живые люди, живые тогда плотью, живые духом теперь, о которых мы молимся. И с ними вместе – о всех тех, кто в течение русской истории кровью, смертью заплатил за все события, такие мучительные, такие порой страшные, которыми наша история исполнена... Молиться будем за тех, кто на поле брани положил свою жизнь, отдавая ее, да – но с каким страхом порой и с какой болью; молиться за тех, кто погиб в смуте, – и не будем себе ставить вопрос, в каком лагере они были: были ли они правы или виноваты. Правые стали перед Богом в славе; о виноватых, в каком бы лагере они ни были, мы должны молиться **особенно**: Боже! Прости их! Господи, помилуй!.. И о тех, кто в течение всей нашей истории склонил голову к земле, в болезни, в заточении, в рудниках, на горьких работах, кто потонул в пучине морской, кто был лишен радости тихой смерти, окруженной лаской и любовью.

Всех соберем в свое сердце; всем дадим, сколько сумеем, сострадания, ласки и любви. И в их имя будем строить мир всеми силами, всей верой, всей любовью, чтобы он стал менее страшным, чтобы таких событий когда-то уже не стало на земле. Сейчас, когда мы соберемся с зажженными свечами, мы помолимся, и пусть эти свечи перед Господом горят как напоминание о том, что мы верим в вечную победу света над тьмой; что мы верим, что и искры света, которые воссияли в земной, темной истории, никогда не погаснут, что они зажглись и в наших сердцах, и что мы их пронесем до конца.....

[На главную страницу](#)